

Андрей Добролюбский

Археология подземной Одессы

Подземные сооружения, именуемые в обиходе катакомбами, являются органичной частью культурного слоя Одессы. Этой части присущи черты определенной исключительности – ее несомненным археологическим преимуществом и достоинством является высокая источниковедческая достоверность. Известно, что эти сооружения возникли, прежде всего, как каменоломни для строительства Одессы и образовали, по сути, подземный город, живущий самостоятельной жизнью. Эта жизнь никогда не прекращалась, но всегда активизировалась в экстремальных исторических ситуациях (войны, эпидемии, социальные потрясения и т. п.) и оставляла в каждом случае соответствующие эпиграфические следы и археологические остатки. К тому же некая вуаль таинственности следов этой жизни делала и делает их поиск особенно притягательным. С одесскими катакомбами связано множество туманных, драматичных и душещипательных историй и легенд, касающихся Второй мировой войны и партизанского движения, и более отдаленных от нас во времени – Первой мировой и Гражданской войн, и всего дореволюционного прошлого Одессы – криминальных разборок, бытовых, социальных конфликтов и коллизий.

Наряду с этим мусорные остатки, образующие культурный слой Одессы на поверхности, во многих случаях прозаически и незатейливо сбрасываются в полые подземные емкости. Их никто никогда толком не изучал. Так катакомбы оказались вместителем и накопителем любых отходов жизнедеятельности огромного города с самого начала его существования. И таким образом превратились в их «вечное» хранилище. Потому что, если «на-

земные» строительные остатки постоянно подвергаются бесчисленным разрушениям и перемещениям, то под землей их уже никто (пока?) более не тревожит. И весь этот мусор, периодически сбрасываемый в катакомбы на протяжении всей истории города, образует хорошо датируемые стратифицированные прослойки, которые будто бы специально созданы для исследования археологическими приемами и методиками.

Хорошую возможность такого изучения может дать мусорное заполнение одной из ранних катакомб в центре города – «Музей-катакомба Кантакузина». Его младшая дата прямо начертана на стене: «1812 г.», что может быть эпиграфическим следом известной чумной эпидемии. Это же означает, что катакомба никак не могла быть заполнена мусором ранее этого времени. Одновременно мы получаем и старшую дату сброшенных сюда строительных и бытовых отходов. Сами отходы становятся, таким образом, как бы и фундами, и архивом естественно образованного «музея мусора» и подлежат изучению специальными мусороведческими, или гарбологическими (garbage – мусор), приемами [1, с. 13-15, 155-157].

Ныне гарбология стала весьма популярной и продуктивной областью современной археологии и владеет довольно изощренными методиками – выяснилось, что состав мусорных прослоек чутко и порой в нюансах реагирует на социальные коллизии и даже политические события. В нашем научном случае этот мусор образует необъятное хранилище одесской материальной культуры конца XVIII – XX вв., где накопилось редкостное обилие и разнообразие строительных остатков с сопутствующим бытовым инвентарем. Это лишний раз свидетельствует как о необычайном былом богатстве и роскоши городской жизни, так и о стремительном развитии Одессы до начала XX в.

Кажется бесспорным, что подземные мусорные отложения являются как бы зеркальным отражением наземных. Значит, для археологического исследования катакомб необходимо опереться на адекватную научную модель стратифицированного изучения наземного культурного слоя Одессы.

Самой удачной такой моделью нам представляются археологические раскопки близ оперного театра в 1995 г. Мощный слой

строительного и бытового мусора, образованный здесь всего за два столетия, достигает 8 м. Старшая дата этого слоя, данная нам екатерининским пятакон 1784 г., соответствует времени, предшествующему закладке города. Последующие напластования мусора и остатков строительных конструкций датируются не менее отчетливо и в деталях позволяют воссоздать этапы исторического развития этого участка: первый дом Одессы (дом князя Г.С. Волконского), гостиница Рено и ресторан Отона, дворец графа Ланжерона, дом компа-

Начало раскопок у оперного театра. Сентябрь 1995 г.

нии Беллино-Фендерих и банка «Лионский кредит» 1920-30 гг., гибель этого дома при авианалете летом 1941 г., площадки сквера 1950-60 гг. и даже небольшой заводик для подкачки жидкого стекла под фундаменты оперного театра во время его реставрации в 1967 г. Так удалось здесь выявить несколько строительных периодов, с каждым из которых эта территория кардинально меняла свой архитектурный облик.

Изучение состава строительного и бытового мусора у оперного театра археологическими

методами позволило также сделать ряд важных открытий, недостижимых иными путями. Это, прежде всего, «обряд основания Одессы» – остатки ритуального возлияния Иосифа де Рибаса с Францем де Воланом и князем Г.С. Волконским, совершенного на фундаментах первого дома Одессы. Эта находка не только оказалась весьма значимой для одесского краеведения, но и, пожалуй, уникальной в мировой археологической практике [2, с. 17].

Типологическое изучение переотложенных фрагментов античной посуды, найденных в слоях 1790-1830 гг., позволило установить наличие на этом участке некрополя V-IV вв. до н. э., что привело к поискам, обнаружению и последующим раскопкам крупного античного города на Приморском бульваре [1, с. 16-28].

В сущности, археологическая методика, выражающаяся в типологическом изучении состава датированного строительного и бытового мусора, вполне применима к подобным исследованиям и в подземных сооружениях. Так, типологическое изучение печных изразцов конца XVIII – первой

четверти XIX вв. (Д.В. Хамула) в кантакузинской катакомбе позволило уверенно судить о том, что они были изготовлены на Калужских гончарных заводах. Это ясно указывает на переориентацию рыночных связей Одессы от средиземноморского направления на глубинный внутрисосийский рынок – вывод, который ранее было невозможно сделать по иным материалам [3, с. 63-66].

Хочется надеяться, что это лишь первая ласточка. Потому что методика подобного гарбологического изучения строительно-бытового мусора достаточно близка к методике раскопок потревоженных пластов многослойных поселений – выделение культурно-типологических серий разных изделий в составе строительно-бытовых заполнений, их датировка и хронологическое сопоставление. Это позволяет уверенно делать обоснованные историко-культурные заключения [3, с. 5-8].

Другим ярким примером сочетания приемов наземной и подземной археологии может послужить изучение руин Хаджибея и подземного хода Воронцовского дворца. Здесь в 1997-98 гг. в слое античного времени были случайно выявлены остатки каменной кладки длиной около 5 м. В плане они выглядели как сегмент окружности диаметром около 7 м. Кладка представляла собой юго-восточную часть этой окружности. У северной оконечности кладки открыта часть порога, сооруженного над опорным для вставления двери так называемым пяточным камнем, в центре которого имелось квадратное углубление. Порог указывал на место входа в округлое помещение.

К северо-западу от входа удалось выявить остатки каменной забутовки под фундамент прямой стены, а также примыкавший

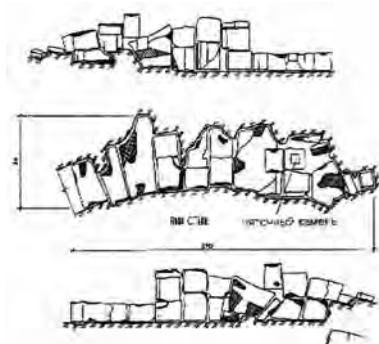

Остатки Хаджибейского бастиона с пяточным камнем. 1998 г.

Остатки Хаджибейского бастиона. Вид сбоку. 1998 г.

Археологические остатки Хаджибейского бастиона. Архитектурные обмеры

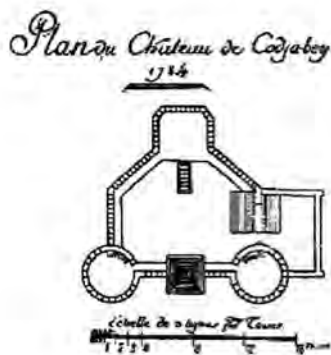
к ней с внутренней стороны узкий ров с остатками деревянных бревен и плах. В заполнении кладки найдены обломки турецкой посуды и глиняные трубки, датирующиеся 1770-1790-ми гг. Такая дата указывает, что обнаружены остатки бастиона и части стены Хаджибейского замка (построен в 1765 г. и взят штурмом отрядом Иосифа де Рибаса в сентябре 1789 г.). При зачистке поверхности входа в бастион, где прятался в момент штурма двухбунчукный Ахмет-паша со своим гаремом, найдена фрагментированная железная пряжка с крючком от поясного солдатского (офицерского?) ремня. Эта находка может свидетельствовать, что в момент захвата гарема участники штурма были возбуждены не только сражением [1].

До самого недавнего времени не были известны документы о точном размещении Хаджибейского замка. Поэтому историки Одессы XIX в. связывали его с местностью по-разному. Им были известны лишь чертёж Château de Codjabeu, составленный в 1784 г. Лафиттом-Клаве, а также план и рисунок Фрейгана 1789 г. Эти планы были выполнены без

топографической увязки. От самого замка ко времени основания Одессы в 1794 г. ничего не оставалось – ранее, в ноябре 1789 г., его развалины по приказу Г. Потемкина были разобраны для строительства на этом же месте «Малой крепости». Поэтому А. Скальковский по «рассказам очевидцев» в 1837 г. разместил Гаджибейский замок примерно в районе Воронцовского дворца, в «ста саженях» от обрыва Военного спуска. К. Смольянинов также размещает замок «на том самом месте, где теперь дома гг. Строганова и Маразли» (дома № 1, 2 на Приморском бульваре), а Н. Мурзакевич ссылается на «древнее предание», согласно которому «замок стоял там, где теперь дом Одесских присутственных мест» (дом № 7).

28 июня 1889 г. Городская дума решила «на месте, где происходило решительное сражение при взятии крепости (конец Николаевского бульвара, около дома графа Строганова), поставить памятник в ознаменование столетия взятия Хаджибейя». Впрочем, А. Маркевич куда более расширял территориальную вероятность расположения замка – между Приморским бульваром, Екатерининской площадью и Воронцовским переулком.

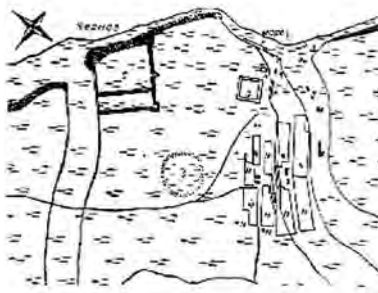
Лишь в 1968 г. С. Боровой издал найденный им «План... турецкого города Гаджибейя», который был составлен поручиком И. Исленьевым в 1766 г. Это – единственный подлинный план

План замка Ходжа-бей. Снят Лафиттом-Клаве

Рисунок замка Ходжа-бей

«План специальной новостроемой на берегу Черного моря турецкого города Гаджибея... Сочинил Черного гусарского полка поручик Иван Исленьев». 1766 г.

юго-западный сегмент фундамента правого бастиона. Пяточный камень маркирует вход в башню со стороны двора. Совпадают с планами археологически реконструируемый диаметр фундамента бастиона, а также часть

Вид Гаджибейского замка. Рисунок с натуры

размещения крепости, не искаженный последующими «преданиями». На нем местонахождение замка сомнений не вызывает – «он находился на левой половине Приморского бульвара между обрывом, Воронцовским переулком и дворцом Воронцова».

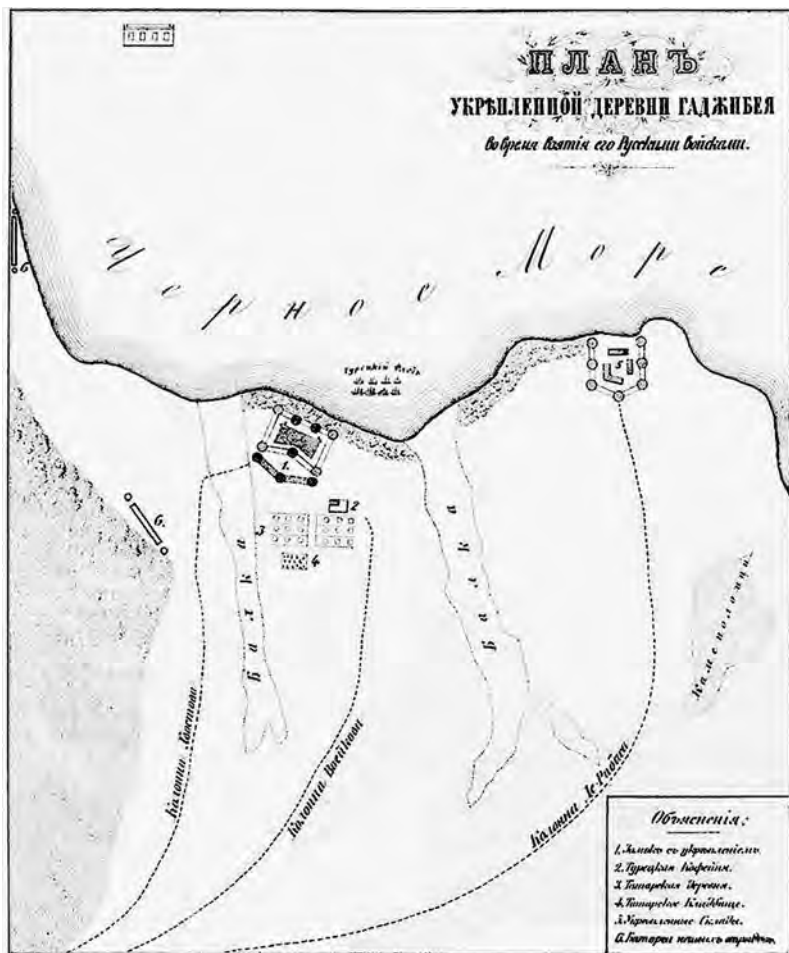
Именно там и были найдены остатки хаджибейских кладок. Они увязываются с планами Лафитта-Клаве и Фрейгана. Открытая часть кладки представляет собой

фронтальной стены и рва. Это показывает, что упомянутые планы были составлены точно. В вертикальном разрезе раскопа сохранились и следы рва от фундамента примыкавшей к бастиону боковой крепостной стены. Археологически очевидно, что камни из этого рва были полностью выбраны – видимо, после распоряжения Потемкина о разрушении крепости. Таким образом, скромные размеры замка – 23 на 34 метра, равно как и материал, из которого он был построен – известняк «из степи с речек и балок околочных», – подтверждаются.

Если это так, то подтверждается и достоверность известного рисунка, на котором крепость Хаджибей изображена прямо на краю обрыва и непосредственно примыкает к Военной балке. Ранее предполагалось, что он исполнен задним числом с использованием планов Лафитта-Клаве и Фрейгана, а потому приближен художником к обрыву Военного спуска произвольно. Наша находка позволяет утверждать, что рисунок верен, исполнялся, видимо, с натуры. Да и само фортификационное расположение небольшой «крепостцы» представляется вполне целесообразным.

Единственным основанием для перемещения «крепостцы» на «сто сажень» от Военного спуска (как это делается вслед за А. Скальковским) остается выдержка из рапорта Потемкина: «...на левой стороне полковник Хвостов, под картечными выстрелами... перейдя овраг, когда уже приблизился на сто сажень от стены замка... поспешил, не ожидая правого фланга, поставить первую лестницу». Однако не указывается, где именно был перейден Военный овраг. Между тем Хвостов характеризуется де Рибасом как «храбрый и расторопный офицер». И ему как человеку, обладавшему такими качествами, было ясно, что если вести наступление со стороны степи, то «крепостца» сама защищала нападавших от огня своего же турецкого же флота. Поэтому переходить овраг следовало подальше от моря и от турецкого флота, дабы избежать его шквального огня. Артиллерия «крепостцы» со стороны степи представляла куда меньшую опасность. Видимо, упомянутые «сто сажень» полковник Хвостов со товарищи пробежали со стороны нынешнего Сабанеева моста.

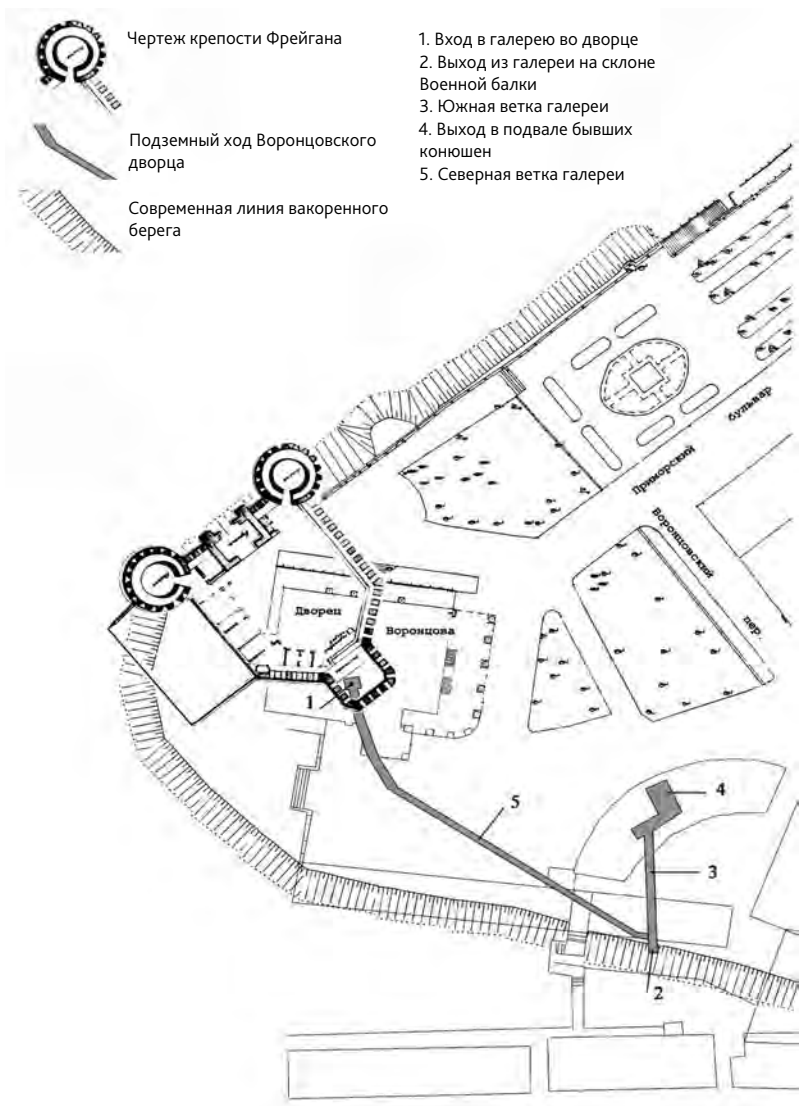
Таким образом, расчищенные остатки Хаджибейской «крепостцы» соответствуют ее расположению на плане И. Исленьева, который указал, по мнению С. Борового, лишь место ее строительства (перестройки?). Это же соответствует упомянутому рисунку, а также плану Лафитта-Клаве и Фрейгана. Такое размещение замка подтверждается его описанием и соответствующей картой военным историком В.М. Черемисиновым: «...приморский фронт состоял из крепостных ворот с оборонительной галереей и двумя башнями высотой в 4 саж. Небольшой, но очень крепкий бастион – сильнейшая часть замка – довольно грозно выдвигался по направлению к степям, обороняя подступы со стороны

План укрепленной деревни Гаджибея

суши» [4]. Совокупность всех этих сведений позволяет с высокой точностью и в масштабе соотнести эти остатки с Воронцовским дворцом [1, с. 168 – вкладка].

Параллельно с археологическими работами был изучен и подземный ход, который располагался под Воронцовским дворцом.

Чертеж крепости Фрейгана

1. Вход в галерею во дворце
2. Выход из галереи на склоне Военной балки
3. Южная ветка галереи
4. Выход в подвале бывших конюшен
5. Северная ветка галереи

Подземный ход Воронцовского дворца

Современная линия вакоренного берега

Единая геодезическая карта Одессы, участок Приморского бульвара.
 Архив Главного архитектурно-планировочного управления г. Одессы, инвентарный № 1090

Оказалось, что сооружение этого хода никак не отмечено в сметах по постройке дворца. Напротив, выяснилось, что ход был сооружен во второй половине XVIII в. Вход в него в аккурат приходится на ту часть Хаджибейского замка, которая на плане Фрейгана отмечена как бастион на заднем дворе. А выход – на склон Военной балки. Можно видеть, что этот ход должен был вести из крепостного бастиона в глубокий тыл замка, как можно дальше в степь. Сам факт обнаружения такого хода лишний раз удостоверяет точность локализации и привязки к местности Хаджибейской «крепостцы» – вряд ли кто-нибудь стал бы сооружать его в пустой степи.

Руины Хаджибея с момента своего обнаружения сразу же оказались в немилости у научных оппонентов – сначала они их украли и уничтожили [5]. Затем стал отрицаться сам факт их бывшего существования [6]. В последние годы «крепостцу» размещают либо в районе Екатерининской площади, либо у Городской думы [7], либо ищут ее напротив домов № 4-5 по Приморскому бульвару [8]. Думается, что сам факт существования скромного подземного хода из степного бастиона Хаджибея в Военную балку является весомым аргументом в пользу размещения замка именно на месте Воронцовского дворца [9, с. 5-11].

Сказанное означает, что сочетание методик и приемов в наземной и подземной археологии существенно расширяет возможности историко-археологических поисков в предыстории и истории Одессы. Несомненно и то, что строительно-бытовые отложения в катакомбах как достоверные остатки бесконечного разнообразия былой жизни обладают и особым обаянием историко-этнографической подлинности. Изучая их, мы в деталях постигаем, воссоздаем и сохраняем то, что, в сущности, и принято именовать культурным наследием.

Литература

1. Добролюбский А.О. Археология Одессы. – Одесса: Optimum, 2012, с. 137-150.
2. Губарь О.И., Добролюбский А.О. Ритуал основания Одессы // Роль музеев в развитии исторического краеведения в городе Одессе и крае. Тезисы докладов научно-теоретической конференции, посвященной 40-летию Одесского историко-краеведческого музея 17 мая 1996 года. – Одесса, ОИКМ, 1996, с. 17.

3. Добролюбский А.О. Одесские катакомбы как уникальный историко-археологический источник // Подземные сооружения Одессы и Одесской области. Сборник материалов 1-й Научно-практической конференции. – Одесса, 2017, с. 5-8; Хамула Д.В. Комплекс расписной печной керамики из катакомбы Кантакузена как информативный источник связей ранней Одессы и художественные особенности. – Там же, с. 63-66.
4. Черемисинов В.М. Одесса в истории русских войн. – Одесса, 1904, с. 19-20.
5. Губарь О. Украли... крепость // Вестник региона. № 23. – Одесса, 1997; Добролюбский А. Причудливая судьба остатков Хаджибея // Слово. № 43 (258). – Одесса, 1997.
6. Добролюбский А. Одессея одного археолога. – СПб.: Нестор-История, 2009, с. 373-382.
7. Сапожников И.В. А.-Ж. де Лафитт-Клаве и история Коджа-бея – Одессы // Scriptorium nostrum (электронный исторический журнал) № 9 (3), 2017, с. 139-159.
8. Иванова С.В., Красножон А.В. Археологические поиски Хаджибейского замка // Стародавне Причорномор'я. Вип. XIII. – Одеса: ОНУ, 2021, с. 164-173.
9. Добролюбский А.О. Руины Хаджибея и подземный ход Воронцовского дворца в археологическом контексте // Подземные сооружения Одессы и Одесской области. Сборник материалов II Научно-практической конференции. – Одесса, 2019, с. 5-11.

